

пусть читатель решит, что ближе Ахмадулиной — мгновенное поэтическое озарение и рождающий сразу завершённую картину инсайт вдохновения, когда «своей руки не видеть, которой, может быть, и нет», или интересная концепция ступенчато-интуитивного «позиционного стиля» шахматной игры, перенесённого на стихотворный узор Ахмадулиной?

Весь свой поэтический путь Белла Ахмадулина прошла, окружённая друзьями-поэтами, но ведомая Пушкиным и тенями Цветаевой и Ахматовой, чей «быстрый промельк» заставлял её порой испуганно вздрогнуть. Поэты-друзья многочисленны и любимы ею — от Евтушенко до Симона Чиковани (Грузия и грузинская поэзия занимали в судьбе Ахмадулиной особое место), Вера Зубарева об этом пишет, Ахмадулина оставила блестящие переводы:

Люблю я старинные эти старания:
 сбор винограда в ущелье Атени.
 Волон погоняет колхозник Анания,
 по ягодам туты ступают их тени.

(С. Чиковани. «Анания»)

Но, увы, друзья не могли стать для неё по влиянию **сильнее** гения Пушкина и образов двух великих русских поэтесс — именно в этом, как мне кажется, заключалась причина экзистенциального одиночества знаменитой поэтессы, существовавшей более **там**, с ними, чем здесь, с друзьями, одиночества, так проникновенно выраженного в стихотворении, ставшем киноромансом. И проводя в «Тайнописи» параллель между «Пророком» Пушкина и больничным, Боткинским циклом, в котором проявилась ипостась Ахмадулиной именно как русской поэтессы, страдавшей каждому и «по-новому осознавшей духовный смысл мучений родины православия, где символом безвременья стал «храм без креста», Вера Зубарева приоткрывает ещё одну тайну поэтессы, именно в больнице, после клинической смерти узревшей причину обрыва той лестницы, по которой поэт может подняться до уровня Пророка: «Нарциссизм символизирует мир, в зеркале которого отражается не Творец, а творение».

Говоря о внешней стороне «Глубокого обморока», Вера Зубарева точно замечает, что цикл строится Ахмадулиной «по принципу зеркальной обратности». Но разве вся жизнь Беллы Ахмадулиной не строилась «по принципу зеркальной обратности» — или, можно сказать иначе, не подчинялась «обратной перспективе», как бы возвращающей читателю классический русский слог? Но подлинное возвращение возможно только при одном условии: если за стилем, за его старинной вязью прочитывается «тайнопись»...

Мария БУШУЕВА

«ХОЛОДА... РОССИЯ... ПЕРВЫЙ СНЕГ...»

А. Шацков. Первозимье. Стихотворения. М.: Вест-Консалтинг, 2017. — 132 с.

В июне 2017 года в свет вышла новая книга стихотворений известного московского поэта Андрея Шацкого, получившая название... «Первозимье». Однако в первых числах июня автор статьи наблюдал в Ленинградской области снег и пренеприятное похолодание, посему настроиться на книгу, полученную ранее в электронном виде, было отнюдь не сложно...

«Лет двадцать назад ко мне пришел студент МИСИ Андрей Шацков и принес стихи, тщательно выведенные чертежным шрифтом в ученической тетрадке в клеточку. В них автор скакал на коне и рубился с ордой. Иначе, чем в кольчуге и в шлеме, он себя и представить не мог». Такую исчерпывающую характеристику дал поэту однажды Валентин Берестов, ставший первым наставником и добрым другом. «Русь за нами!» — клич былинного персонажа может показаться современному человеку беспомощной архаикой. Многие цинично наградят поэта-славянофила ухмылкой эскулапа, специализирующегося на пациентах с ярко выраженной манией «кого-то спасти», раздувать несуществующую проблему. Действительно, если мы осмотримся вокруг, то не увидим почти никаких признаков Руси-матушки, но это вовсе не означает, что в нее нельзя верить так, как упрямо стоящий на своем Андрей Шацков. В этом и заключается его правота, которая в случае настоящего вдумчивого прочтения стихов потрясет нас до глубины души. Нет, не привиделось, не померещилось! Шацков взаправду оттуда, из другого мира, воскрешаемого им по частицам для продолжения борьбы за сохранение Отечества.

Размышлять о загадках и перипетиях русской истории, путешествовать по древним монастырям, утраченным и вновь отстроенным городам — о какой архаике речь? Скорее наоборот! Кавалер ордена Преподобного Сергия Радонежского Андрей Шацков может себе позволить роскошь познания прошлого в полной гармонии с познанием тенденций настоящего. Примеров предостаточно. Он давным-давно попробовал модный формат аудиокниги (в соавторстве с народным артистом России Валентином Клементьевым), участвует в телемостах между городами России, да и сам легко наводит мосты, контакты любой степени сложности, что, впрочем, закономерно для строителя по основной профессии, полученной в Советском Союзе.

Все книги Андрея Шацкова (и вышедшая особенно) не подчинены ни одному из формальных рыночных критериев. Понятно, что издательство и автор выстрают собственную политику распространения, понятно, что окупаемость невозможна, но все это вторично. Такие книги обязательно находят постоянного читателя, включая даже молодежь. Цитируя Шацкова, стихи его не «чуждедальние», а исповедальные, глубокие, выпестованные на земле столичной и в подмосковной живописной Рузе. Написанное с естественным течением времени определяет желанную аудиторию, для которой русское наследие — не пустой звук.

К строительству стиха, как мы уже поняли из слов Валентина Берестова, Шацков приступил в студенческие годы. «А юность все-таки была» — какой именно, знают «боевые друзья» Шацкова, поэты Леонид Колганов, Александр Климов-Южин и другие. Не нужно объяснять, что была она красочной, энергичной и вызывающей неизменно теплые воспоминания. Далее — зрелость, становление, многочисленные проверки на прочность, работа в министерствах, оформленный с годами добротный послужной список. А затем, волей-неволей, наступает череда болезненных прощаний, ведь родные, наставники, друзья уходят один за другим, оставляя нас жить со своими грехами и сомнениями...

На долю Андрея Шацкова, помимо прочего, выпал цикл трагической утраты поколений по мужской линии. Поэтому к известному стихотворению, посвященному памяти отца, добавились, увы, стихи, написанные после ухода в високосном 2016 году старшего сына Дмитрия. Спортсмена, лидера, горячо любимого «семейного» Димитрия Донского. Как такое могло случиться? Страдания — известный парадокс — выводят поэзию на необычайной силы уровень, но такой боли не пожелаешь никому. К моменту окончательного завершения концепции книга Андрея Шацкова стала вынужденно расширенным мемориалом, что читатель либо примет полнокровно, либо откажется принять вовсе. Но поэзия, отметим, не вы-

полняла и никогда не будет выполнять одностороннюю увеселительную функцию балаганчика, точно так же как не призвана она лишь сладкозвучно умиротворять. Сказано же Есениным: «Дар поэта — ласкать и карябать, / Роковая на нем печать». Шацков, пожалуй, понимает это лучше, чем кто-либо другой.

В книгах Андрея Шацкого всегда отчетливо видна тесная взаимосвязь двух или более территорий культуры, где осуществляется литературная работа. В нашем случае речь идет о Москве и Санкт-Петербурге, двух городах-тяжеловесах, в равной степени обожаемых поэтом. В петербургских стихах Шацков чаще всего обращается к Блоку, что весьма легко предположить, но нельзя точно спрогнозировать, до чего поэты договорятся. Шацков избегает нарочитой театральности, его герой не жаждет разыгрывать представление и упиваться процессом. Он в полном одиночестве задает Северной столице терзающие душу вопросы и, не получив ответа, идет дальше, в сопровождении классической кинематографической озвучки «метель». Снова — зима, всепоглощающая! Наряду с Блоком и Пушкиным — отсылки к Есенину и Корнилову. (Кстати, в дело сохранения памяти о последнем из упомянутых поэтов Шацков вложил более десяти лет жизни.) Мы восхищенно-завистливо изучаем карту перемещений поэта: вот есенинская Рязань, вот тютчевский Овстуг...

Что впереди? Вопрос нависает угнетающе длинной паузой. Редактор журнала «Юность» Валерий Дударев опасается: «Не с кем Шацкову великий путь далее длиться!» Не будем предаваться унынию, тем более что поэт умеет удивлять! Поживем — увидим.

Кирилл КОЗЛОВ